

Образ матери в поэзии Ивана Приблудного: герменевтический анализ

The image of the mother in the poetry of Ivan Pribludny: hermeneutical analysis

Чернов А.А.

аспирант кафедры философии Луганского государственного аграрного университета (Луганск, ЛНР)
anruss@mail.ru

Chernov A.A.

a postgraduate student of the Department of Philosophy, Lugansk State Agrarian University (Lugansk, LPR).
anruss@mail.ru

Аннотация

В статье на основе метода философской герменевтики рассмотрены особенности мифопоэтического двоимирия в стихотворениях русского поэта И. Приблудного. Делается вывод, что с «миром деревни / природы» сопряжен образ матери, отраженный в ряде стихотворений поэта. Образ матери впитал элементы детских воспоминаний поэта о своей рано умершей матери, но в большей степени он мифичен и выступает в виде своеобразного символа. Цветовая семантика указывает на связь «мира деревни / природы» с философемой Софии.

Ключевые слова: Иван Приблудный, философская герменевтика, двоимирие, А.Ф. Лосев, мифопоэтика, Х.-Г. Гадамер, образ матери, теургия, София.

Abstract

The article considers the features of the mythopoetic duality in the poems of the Russian poet I. Pribludny on the basis of the method of philosophical hermeneutics. It is concluded that the image of the mother, reflected in a number of the poet's poems, is associated with the "village/nature world". The image of the mother absorbed elements of the poet's childhood memories of his early deceased mother, but to a greater extent it is mythical and acts as a kind of symbol. The color semantics indicates the connection of the "village/nature world" with the philosophy of Sofia.

Keywords: Ivan Pribludny; philosophical hermeneutics; duality; A. F. Losev; mythopoetics; H.-G. Gadamer; the image of the mother; theurgy; Sofia.

Творческое наследие русского поэта Ивана Приблудного (1905-1937; настоящее имя поэта – Яков Петрович Овчаренко) остаётся по сей день недостаточно изученным. Отчасти это объясняется тем, что имя поэта, незаконно репрессированного в 1937 г., долгие десятилетия было под запретом.

Между тем, в Донбассе интерес к творческому наследию и биографии Ивана Приблудного всегда был высок. Этот интерес объясняется двумя основными причинами. Первая – поэт является уроженцем Донбасса (село Безгиново, сейчас – Новоайдарский район ЛНР) и в своих стихах отразил природу Придонцовья и уклад жизни своих земляков, несмотря на то, что ещё в юности покинул родные края. Вторая причина – Иван Приблудный входил в окружение последних лет жизни Сергея Есенина, их связывали тёплые отношения. Есенин явно покровительствовал Приблудному, что нашло отражение в его письмах и в

статье-некрологе на смерть В. Я. Брюсова, в которой Приблудный упомянут в числе лучших молодых поэтов, обучавшихся в Высшем литературно-художественном институте.

Названные выше причины определили направленность первых исследований творчества и биографии Ивана Приблудного А.Н. Скрипова и О.Л. Бишарева, прежде всего раскрывших малоизвестные стороны жизни поэта и его взаимоотношения с Сергеем Есениным и другими современниками. О.Л. Бишарев осуществил также литературно-художественный анализ некоторых стихотворений Приблудного, в основном прибегая к биографическому методу. Однако биографический метод не может в полной мере раскрыть все особенности поэтического текста.

Отметим большой интерес к поэтическому наследию Ивана Приблудного в Донбассе, вызванный значительными изменениями в обществе в последние годы. Трансформации в обществе молодых донбасских республик привели к поиску основ русской идентичности, что неизбежно ведёт к осмыслению исторического прошлого Донбасса и роли знаковых фигур выдающихся земляков. В частности, этим объясняется повышенный интерес в республиках Донбасса к творческому наследию русских писателей края В.И. Даля, В.М. Гаршина, Павла Беспощадного, Ивана Приблудного, Б.Л. Горбатова, М.Л. Матусовского и др.

Целью нашей статьи является анализ некоторых стихотворений Ивана Приблудного при помощи философской герменевтики.

Основатель философской герменевтики Ханс-Георг Гадамер отмечает важность понимания особого «языка художественных форм», что позволит, по мнению немецкого мыслителя, постичь смысл произведений искусства. Х.-Г. Гадамер для ясности понимания этого приводит простой пример: «Мы ведь знаем, что значит уметь читать. Это значит, что буквы словно исчезают, а на их месте проступает смысл. В любом случае только формирование смысла в созвучии дает нам возможность сказать: «Я понял, о чем здесь говорится» [3, с. 317].

Здесь важно отметить не только то, что смысл скрыт за некими знаками – символами, но также и то, что смысл всегда формируется как результат взаимодействия – автора произведения искусства и того, кто непосредственно воспринимает символический текст на особом «языке художественных форм», как называет это Гадамер. По мнению философа: «Художник стремится выразить в произведении то новое художественное настроение, в соответствии с которым он творит и которое представляется ему новой формой всеобщего взаимопонимания, солидарности» [3, с. 274].

«Всеобщее взаимодействие» – необходимое и крайне обязательное условие, гарантирующее то, что произведение искусства будет понято, воспринято, осознано современниками. В обратном случае произведение искусства останется не понятным, его смысл будет не прочтён, если обратиться к приведённому выше примеру Гадамера: буквы будут увидены, но не прочтены, будто знаки на Фестском диске.

Вот почему поэт всегда создаёт свои произведения с расчётом на то, что созданные им образы будут восприняты его современниками-читателями. Он обращается к понятным им образам-символам, тем самым знакам, за которыми и сокрыт смысл.

Поэтическая манера Ивана Приблудного, по общему мнению исследователей, формировалась под сильнейшим влиянием есенинской поэтики. Ориентир на Есенина, как абсолютный и безукоризненный образец, определил восприятие Приблудным многих смыслов и самой поэтики своего учителя.

Литературовед А.Н. Скрипов одним из первых отметил общие черты поэтического языка Приблудного: «Ивана Приблудного как поэта-художника отличает тонкое видение природы, проникновенная душевность, прозрачность языка, музыкальность стихотворного ритма и своеобразие интонации» [7, с. 137].

Далее исследователь ещё более определённо пишет об особенностях поэтики Приблудного: «Характерно и то, что картины природы не являются для поэта отвлеченными, ничего не говорящими вещами, наоборот, они тесно переплетаются с человеческими чувствами, страстями, а поэтому любой пейзаж в стихах И. Приблудного способствует раскрытию высоких чувств любви, переживаний поэта и находятся в неразрывной связи с его внутренним миром» [7, с. 137].

Здесь нигде не звучит имя Есенина, но аналогия с есенинской поэтикой возникает практически сразу, ведь о взаимосвязи природной стихии с внутренними переживаниями лирического героя Есенина написано очень много.

Пейзажная лирика в наследии Приблудного занимает одно из центральных мест. Живая природа выступает в стихотворениях Приблудного мощной преобразующей силой, в которой человек изменяется, будто руда при плавке в печи. Такой она предстаёт в стихотворении «Луг венком покрыли лозы...» (1923): «Солнце – влево, солнце – вправо, // Ливни пламени – в плечо... // – Ой, как жарко телу в травах, // Ой, как сердцу горячо...» [6, с. 16].

В стихиях природы лирический герой Приблудного очищается от суетной «общечеловеческой» жизни. Контраст особенно усиливается при сопоставлении «мира города» и «мира деревни / природы» – двух антиподов в поэтике Приблудного. Так, в стихотворении «Неоконченный пейзаж» (1925) поэт пишет: «Разве можно в наши годы просвещенного тупенья // Любоваться на закаты, волноваться при луне; // Разве можно слушать пенье – кроме каменного пенья, // Иль под злобный вой трамваев – напевать о тишине» [6, с. 24].

«Мир деревни / природы» – свой, родной, чистый и близкий, это мир любования природой, соединения с нею, мир любви, стихии природы способствуют очищению души человека. «Мир города» – чужой, мир материальной выгоды, потери души, отстранения от красоты и любви.

В «Неоконченном пейзаже» Приблудный ещё более определённо пишет об этом в финальных строках: «Я с моей земной любовью ко всему, что только дышит, // Не могу без человека, без живого языка» [6, с. 24]. Тем самым поэт однозначно выводит себя за пределы чуждого «мира города».

Конечно, города сами по себе не бывают, они населены людьми и, следовательно, лирический герой потенциально может найти в городе родственную, близкую душу. Но не находит, что указывает на невозможность её нахождения в «мире города».

В стихотворении «За хутором тихая речка...» (1924) мы, возможно, подходим к разгадке: «И словно земными обижен, // Тревожа речную траву, // Плыву к середине поближе, // Подальше от мира плыву» [6, с. 12]. Здесь лирический герой стихотворения на утлом челне отплывает от берега реки и плывёт на её середину: «Подальше от мира плыву». И вовсе не зря здесь упоминается такая формулировка: «И словно земными обижен». Выходит, природа (река) выступает своеобразным проводником в мир неземной, ирреальный, в котором можно укрыться от неких «земных» людей, способных нанести обиду. Река как пограничье миров – древний символ, который можно найти в мифологии практически всех индоевропейских народов.

В поэтическом пространстве Ивана Приблудного мы видим формирование двух вселенных – «мира города» и «мира деревни / природы». Два мира

антагонистичны, лирический герой без колебаний выбирает «мир деревни / природы». Подобное двоемирие – типично для индоевропейских мифов.

При этом отметим, что создание мифопоэтической реальности в русской литературе имеет значительные традиции. Всплеск «поэзии теургов» наблюдался в начале XX в. под влиянием идей В.С. Соловьёва. Через младосимволистов идея теургической поэзии была воспринята и старшими представителями новокрестьянской поэзии – Николаем Клюевым и Сергеем Есениным. Очевидно, под воздействием поэтики Есенина Приблудный мог позаимствовать философеу теургии и применить её в своих собственных стихотворениях. В крестьянском сознании идея теургии накладывалась на фольклорный субстрат.

А.Ф. Лосев в «Диалектике мифа» отмечает: «Миф есть слово о личности, слово, принадлежащее личности, выражающее и выявляющее личность. Миф есть такое слово, которое принадлежит именно данной личности, специально для неё, неотъемлемо от неё. Если личность есть действительно личность, она несводима ни на что другое, она – абсолютно самородна, оригинальна... Это значит, что и специфическое слово её также абсолютно оригинально, неповторимо, несравнимо ни с чем и несводимо ни на что. Оно есть собственное слово личности и собственное слово о личности. Оно есть имя» [4, с. 170]

В этом отношении примечателен факт обращения поэтов к персонализации своих образов, наделения их определёнными личностными чертами, не столько типичными, сколько индивидуальными. Стремление к выражению «самородной», «оригинальной» личности в своей мифопоэтике толкает поэтов-теургов на создание своих оригинальных образов.

Примером такого персонифицированного образа может являться образ матери, который встречается в ряде стихотворений Ивана Приблудного. Известно, что Иван Приблудный в раннем детстве (ему не было и семи лет) лишился матери. О.Л. Бишарев одним из первых отметил, что в стихотворениях поэта ни разу не говорится о матери как о мёртвой: «Причем поэт ни разу не скажет, что мать умерла. Образ её всегда живёт с ним» [1, с. 7].

В стихотворении «Детство» (1924) мы находим одно из первых упоминаний образа матери: «У стенки большая кровать, // С которой при всякой погоде // Всех раньше поднимется мать – // Топить иль копать в огороде» [6, с. 10]. Эмоциональная нейтральность образа постепенно изменяется. Образ приобретает черты материнской заботы о своих детях: «А в сумерки мать за столом // Нам тёплую сказку расскажет, // Накормит лапшой с молоком // И мёдом пампушки намажет» [6, с. 10-11]. В целом образ идиличен, концентрирует в себе положительные коннотации.

Совершенно иной образ матери предстаёт в стихотворении «Матери» (1926). Образ теряет свою безмятежность и приобретает трагические коннотации: «Тихнет ночь, шумит гармоника, // ветер спрятался в овёс; // ты сидишь у подоконника, // поседевшая от слёз. // Водит небо лунным факелом, // в камышах синее мгла, // сколько ж тёмных ты проплакала, // сколько горьких пролила» [6, с. 51]. Здесь атрибуты деревенской летней ночи (тишина, спрятавшаяся в овёс, звуки гармоники, луна-факел) читателем должны восприниматься положительно: они передают покой, отдых после летней дневной страды. Но поэт намеренно придаёт этим атрибутам двойственные, ироничные значения. Так, гармоника не звучит, не играет, не поёт, она «шумит», её звуки вызывают диссонанс в душе лирического героя. Гармоника (почти – гармония) выступает образом праздника, веселья жизни. Для «поседевшей от слёз» матери, остро переживающей своё невыразимое горе (автор не объясняет причину «горя» матери), гармоника чужда, она – из иного мира, мира небытия.

Созданная в стихотворении картина отражает, на наш взгляд, мифические представления о потустороннем мире. На ирреальность мира природы, в частности, указывает и то, что в камышах «синее мгла». Конечно, в реальности ночью в камышах «синеть» ничего не может, это автор, являющийся выходцем из крестьянской среды, хорошо знал. Но обращение к синему цвету – излюбленный приём в поэтике Серебряного века: «Лазурь, синь, фиолетовый, голубой, сапфирный — цветовые доминанты стихов многих поэтов Серебряного века. «Несказанное, синее, нежное», и «синь, упавшая в реку», как и «синяя ширь», голубые поля и само «васильковое слово» Есенина восходят к «неколебимой синеве» неба, мудрости и красоте сотворенного мира» [5, с. 74]. П.А. Флоренский, рассматривая учение В.С. Соловьева о Софии Премудрости Божьей, особое внимание уделил символике цвета. Так, фиолетовый-синий-голубой выступает, согласно Флоренскому, образом Софии, неким сгустком бытия, «тьмы пустоты» [8, с. 310].

В стихотворении «Осень в деревне» (1925) мы также находим образ матери, причём, лирический герой обращается к ней как к живой: «Всё желтее ясени, всё темнее тучи, // Всё тревожней травами шевелят холмы... // – Приготовь мне, мать моя, тёплые онучи, // Варезки мохнатые и свитку для зимы» [6, с. 80]. Для нас важно здесь упоминание желтого цвета, который, согласно Флоренскому, выступает образом Софии, проявляющей себя в синеве. Отсюда – традиция сочетания золотого и синего в русской иконописи [5, с. 75].

В стихотворении «Раскаяние» (1926) также находим образ заботливой, любящей матери, тоскующей по сыну: «И в зиму, душу в шубу кутая, // На дальний холм выходит мать, // Всё в те же валенки обутая, // Любимца блудного встречать» [1, с. 106].

Во всех изученных нами стихотворениях Приблудного мать упоминается исключительно в настоящем времени. К ней он обращается как к живой, не как к образу памяти, а как к реально живому человеку. Это также согласуется с концепцией построения мифопоэтической реальности в поэзии Приблудного. Напомним, что любой миф неотделим от чуда, от явления чудесности личности. А.Ф. Лосев указывает краткую формулу мифа: «Миф есть развернутое магическое имя» [4, с. 170]. В мифопоэтической действительности, сотворенной поэтами-теургами, персонализированный мифический образ всегда сопряжен с магическим воздействием на лирического героя, воспринимающего чудо имени-мифа.

Здесь мы подходим к вопросу о понимании имени как некоего знака-символа. Важно отметить, что Приблудный писал стихотворения в постсимволическую эпоху, когда в русской поэзии наблюдалась определённая усталость от перегруженности символами в творчестве поздних символистов.

Один из идеологов русского символизма В.Я. Брюсов писал (начало 1920-х гг.) о так называемом «вырождении символизма» в грубый аллегоризм, при этом образ терял свою реалистичность, становился лишь «условностью», фальшью. Всё это приводило к тому, что символ в произведениях поздних символистов превращался в схему. Брюсов отмечал: «Они стали жертвовать внешней правдой и даже правдоподобностью ради выявления в символе избранной ими идеи. Это вело к схематическим построениям, где действие развивается вне времени и пространства, не прикреплено ни к какому определенному месту и веку на земле и, вне отношения к общей идее, не имеет никакого смысла, иной раз нелепо и просто невозможно в жизни» [2, с. 538].

Нужно полагать, что с точкой зрения Брюсова Иван Приблудный был знаком, поскольку был студентом руководимого Брюсовым Высшего литературно-художественного института и посещал его лекции. Конечно, не

такие символы использовал в своих стихотворениях Приблудный: они не схематичны, вещественны, реалистичны.

Образ матери у Приблудного максимально жизнен, вещественен, он связан с определённым местом на земле, хотя и как бы выведен из нашего мира в пространство иного мира – инобытия, в котором нет смерти. Этот образ можно трактовать как символ. Конечно же, он не идентичен реальному прототипу – матери Приблудного. Сомнительно, что в памяти Приблудного мог сохраниться её ясный образ, поскольку мать умерла, когда мальчику не было ещё семи лет. Поэтому образ матери в его стихотворениях – идеализированный поэтический конструкт, «представление» о том, какой была его мать.

Но при этом этот образ обладает чертами узнавания, тем самым, по мнению Гадамера, он является символом и обладает возможностью опознания (узнавания). Согласно Гадамеру, узнавание – это не ряд встреч, это опознание уже знакомого, понятного. Гадамер обращается к термину Г.В. Ф. Гегеля «обживание» (Einhausung). Он отмечает, что «каждое узнавание уже отрешено от случайности первого знакомства и возведено в сферу идеального» [3, с. 316]. Таким образом, Гадамер приходит к мысли, что заложенный в символ смысл будет глубже понят, если он будет «обжит» – т.е. уже узнан, воспринят из сферы идеального: «Узнавание всегда сопряжено с более глубоким пониманием, чем это было возможно при первой встрече. Узнавание позволяет вычлени в преходящем устойчивое. Истинная функция символа и символического содержания всех языков искусства заключается в завершении этого процесса» [3, с. 316].

Резюмируя, отметим, что анализ стихотворений Ивана Приблудного при помощи метода философской герменевтики позволил выделить и объяснить мифопоэтическое двоемирие: «мир города» и «мир деревни / природы». С «миром деревни / природы» сопряжен образ матери, отраженный в ряде стихотворений поэта. Образ матери впитал элементы детских воспоминаний поэта о своей рано умершей матери, но в большей степени он мифичен и выступает в виде своеобразного символа. «Мир деревни / природы» связан с философемой Софии, воспринятой Приблудным через поэтику Есенина и младосимволистов.

Литература

1. Бишарев О.Л. Ученик Есенина / О. Л. Бишарев. – Донецк: Донбасс, 1989. – 132 с.
2. Брюсов В.Я. Смысл современной поэзии. Отрывки / В. Я. Брюсов. Среди стихов: 1894-1924: Манифесты, статьи, рецензии. – Москва: Советский писатель, 1990. – С. 534-547.
3. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного / Г.-Г. Гадамер. Пер. с нем. – Москва: Искусство, 1991. – 368 с.
4. Лосев А.Ф. Диалектика мифа / А.Ф. Лосев. Философия. Мифология. Культура. – Москва: Политиздат, 1991. – С. 22-186.
5. Мещерина Е.Г. «Се красота из синего эфира...» (к проблеме эстетики цвета в поэзии Серебряного века) // Вестник Московского университета. Сер.7. Философия. – 2009. – №1. – С. 63-90.
6. Приблудный И. У родных верб: Стихи. / И. Приблудный. – Донецк: Донбасс, 1985. – 96 с.
7. Скрипов А.И. П. Приблудный: Краткий очерк жизни и творчества / А. Скрипов // Донбасс. – 1963. – № 6 (68). – С. 133-138.
8. Флоренский П.А. Небесные знамения (Размышления о символике цветов) // Иконостас. Избранные труды по искусству. – СПб.: Мифрил-Русская книга, 1993. – С. 309-316.